

«К 32 МАЯ МЫ НЕ ГОТОВЫ»

— То есть расчет на российскую ментальность?

— Некоторые мои вещи идут с успехом за границы. Например, «Поминальная молитва» в Японии. Но все равно там иной менталитет. Восток и Запад никогда не сойдутся. На Востоке люди даже цвета различают в 20 раз больше — тренируются с детства.

— А куда в большей степени ориентирована Россия и как обстоит дело с ориентацией у вас?

— Россия ни на кого не похожа. Головой тянется к Западу, ногами на Восток и еще как-то все время переворачивается. В XIX веке каждый гимназист кричал: «Кто я — гений или ничтожество?» А на самом деле — он ученик 4 класса и должен учить арифметику и каждый день чистить зубы. Вот этого-то мы и не любим. От планомерной работы быстро утомляемся. Но и нирвана: «Хорошо жить на Востоке и лежать на солнцепеке» — не для нас.

Я тоже плоть от плоти земли, на которой вырос. Временами — очень-очень западный: сижу за компьютером, не трогайте меня. А с другой стороны, этой зимой купил себе избу на Валдае. Без всяких удобств, даже без туалета. В деревне всего 12 домов.

СВЕЗЛО ТАК СВЕЗЛО

— Как складываются сегодня ваши отношения с издателями?

— Хорошо, что появились прекрасные периферийные издательства. Меня издают и за рубежом, и в Москве, но сама тенденция радует чрезвычайно. Очень высокий уровень исполнения в Екатеринбург (издательство «У-Фактория»). В серии «Зеркало XX века» они уже выпустили Аксенова, Искандера, Окуджаву. Теперь взялись за меня, готовят к выпуску мой одномомник. В него вошли рассказы, несколько пьес и сценариев.

— Кем вы себя ощущаете в первую очередь: драматургом или писателем?

— Только драматургом, не пишу рассказы уже лет 15. Не хочу превращаться в человека с бумажкой на сцене. А зритель настаивает: острее, острее... Законы жанра требуют бить ниже пояса, иначе не удержишь зал.

Вспоминать прошлое мне радостно. И не только потому, что был я тогда молод и наивен. Концу тысячелетия пророчат всякие катаклизмы. А я считаю, что мне, что всем нам ныне живущим — повезло. Выпала честь встречать новое тысячелетие. Как и большинству в России, мне нелегко, но я уверен, что все у нас будет хорошо. У своего отца я научился говорить, когда приходит несчастье: «Могло быть гораздо хуже». Одним словом, повезло! Такой оптимизм позволяет относиться ко всему с достаточной долей иронии и надежды.

Евгения УЛЬЧЕНКО

Антон Павлович Чехов писал: «Медицина — моя жена. Литература — моя любовница». Григорий Горин долго метался между этими двумя дамами сердца, пока не остановился на... мужском и среднем роде. Он выбрал Театр и Кино. В спектаклях и фильмах по сценариям Горина фламандский шут Тиль Уленшпигель призывает к свободе, немецкий барон Мюнхгаузен учит ненавидеть ложь, а английский сатирик Джонатан Свифт — иронии и сарказму. А еще Горин вместе с Э.Рязановым замолвил слово «О бедном гусаре...». И не только о нем одном. Короче, Григория Горину азартно и интересно работалось всегда: и в годы застоя, и сегодня, когда всем прибавилось трудностей, а искусство по-прежнему требует жертв или хотя бы пожертвований. Не впадая в отчаяние, Горин сочиняет новые пьесы, выпускает новые книги. И считает, что если время нельзя поменять, можно изменить свое отношение к нему.

ОГУРЧИКИ-ПОМИДОРЧИКИ

— Григорий Израилевич, когда все-таки, на ваш взгляд, писателю-сатирику «жило веселее на Руси»? Может быть, для расцвета творчества необходимы нажим и всяческие запреты?

— У Искандера есть замечательное, созвучное мне четверостишие: «...Присядь же на обломках жизни / и напиши в последний раз / для неулыбчивой отчизны / юмористический рассказ». Во времена застоя обличать было и сложнее, и проще одновременно. Смелость или донесение мысли были художественными категориями. Мне самому случалось пользоваться этой чертой нашего жанра. Допустим, еще никто про ЭТО не говорит, а я сказал — цензура проглядела. Так и Тиль возник, почти каждую фразу зал встречал хохотом и аплодисментами: «Спасибо императору Карлу за то, что он сделал для нашего народа в прошлом году». — «А что он сделал?» — «Он умер». И так далее. Сегодня я понимаю, что от меня тогда даже мудрости особой не требовалось, достаточно было объяснить залу: «Вы живете хуже стада».

В застойные годы рукопись Фазиля о Сталине передавали из рук в руки. А что особенного написал Рыбаков в «Детях Арбата»? Сталин убил Кирова? Да ведь народ давно про это в частушке пропел: «Огурчики-помидорчики. / Сталин Кирова убил в коридорчике».

— Тогда надо было быть смелее, а сейчас?

— Смелость — не обязательно ум и талант, а искренность — не добродетель. Евтушенко в споре с Кушнером сетовал на то, что люди разлюбили поэзию: «Я выходил на стадионы, и меня слушали десять тысяч человек, ловили каждое слово. А теперь, дай Бог, тысячи полторы». Кушнер возразил: «Поэзия не должна исполняться на стадионах, и десять тысяч не должны на нее реагировать». Мандельштам с трибуны не прокричишь. Помните, стихи Евтушенко о кубинце, стороннике Кастро, который провалился на радио и выкрикнул там какие-то слова? Все ложь. И Кастро — бандит, и никто не прорывался, но впечатляет. Сегодня более мудро звучат как раз строчки Кушнера: «Времена не выбирают. В них живут и умирают».

ВРЕМЯ МЮНХГАУЗЕНА

— У вас практически нет пьес о современности, кроме пародийных вещей. «Маленькие комедии большого дома» — просто злободневные и сиюминутные обозрения.

— Все остальные мои пьесы скорее притчи. Я понимаю, что есть время Мюнхгаузена, а есть время Свифта.

Время Мюнхгаузена — это мышление шестидесятников. Романтик-герой, поднимающийся по лестнице, не желая жить во лжи. Он — поэт, который хочет каждодневных перемен и больше всего боится пошлости и спокойной жизни. У Марты есть реплика: «Господи, будет ли хоть один день, когда ничего не происходит?» Барон отвечает: «Но это ужасно, Марта». — «Я не готова для 32 мая, я боюсь его». В России сейчас время, когда масса людей повторяет за Мартой: «Мы хотим, чтобы был хотя бы один спокойный день. Без катастроф, взрывов, убийств».

— А время Свифта, какое оно? Опишите его поподробней.

— Это время отчаяния — застой. Свифт — человек, сошедший с ума от вялотекущего времени. Его самые злые

фельетоны никто не читал. Каждый день он мучительно объявлял о своей смерти для того, чтобы как-то возродиться.

А сейчас пришло время деятелей. О них моя новая пьеса, которую начинает репетировать Марк Захаров, — «Шут Балакирев, или Придворная комедия». В эпоху Петра была шутейная компания, через которую разные партии воздействовали на царя. Партия шута Лакосто, партия Педрилло. Сегодня в стране происходит то же самое. И когда рухнет правление Бориса Николаевича, то многим деятелям российской культуры не позавидуешь. Фамилии перечислять не стану. Среди людей, слишком приблизившихся ко двору, немало мне лично очень симпатичных. Ими прикрываются, они получают награды, подарки из высочайших рук. Но очень скоро претензии к власти будут перенесены на них. Придет новая метла, кого-то она «изметет». Публичность опасна и чревата.

На Западе это поняли давно. Надо профессионально заниматься своим делом, а не быть ответчиком за всю страну.

АМЕРИКА — ПАРАША. ПОБЕДА БУДЕТ НАША

— То есть вы предлагаете замкнуться в башне из слоновой кости?

— При всем желании не получится. В те страшные годы, когда у нас стреляли друг в друга, я оставался спокоен. Не потому, что был над схваткой, а потому, что понимал: противник заблуждается, его надо пожалеть. Ненависть у меня вызывают только фашисты. Но в России фашизм никогда не пройдет. По той же причине, почему не прошли ни социализм, ни капитализм. Для фашизма нужны аккуратность, собранность, порядок. У нас таких предпосылок нет. Есть лихость, отчаяние, горечь, дикая самобытность.

Что до патриотизма, то я считаю его естественным, когда речь идет о родине. Для меня родина — Москва, я здесь родился, я — лефортовский паренек. Не люблю пропагандистскую кампанию, когда твердят: москвичи живут лучше всех. Я много езжу по стране и должен отметить, что такие настроения в провинции не так уж сильны, не надо только их подогревать.

— Многие москвичи уверены в том, что именно московский мэр станет скоро нашим президентом. Что вы думаете по этому поводу?

— Мне тоже кажется, что победит Лужков. Только для этого ему надо будет объединиться с некоторыми своими противниками типа Чубайса. Мне симпатичны и Лужков, и Чубайс. Считаю, что если их тандем состоится, это будет необычный и интересный союз.

Я восхищаюсь упорством Чубайса. Он умеет проигрывать. Как и Черномырдин, кстати. И у одного, и у другого были нокадауны, но они как иванушки из кипящего молока поднимаются — вещь немислимая. Молодцы, держат удар, не впадают в ипохондрию, как Юрий Афанасьев или Гавриил Попов. Политик не должен выходить из игры, если мир оказался не так уж хорош. «Хвалу и клевету приемли равнодушно» — не самая удобная позиция и для художников. Люди верят им, ждут их слов. Вот и Солженицын в трудное время замолчал, бережет себя, как Пушкин. Но Пушкин был естествен: заяц перебежал дорогу — он повернулся и уехал стихи писать, а здесь — по расчету.

— Процесс самозащиты происходит ежедневно, и не только на уровне известных политиков и деятелей культуры.

— За последние несколько месяцев я убедился, что мы у себя в России можем привыкнуть ко всему. Мир рухнул и не рухнул одновременно — фактор европейской войны стал обыденным. Я знаю дома, где выключают телевизор, когда начинается хроника из Югославии. Когда-то мы хотели обнять весь мир — уже не хотим обнимать. Протесты на уровне шпанистики и пьяных крикунов у посольства США: «Америка — параша, победа будет наша!» Обидно, что теряет наша вселюбовь, всепрощение, некое христианство, заложенное в основе национального характера. С другой стороны — иначе не проживешь, за всех не перестрадаешь. Раньше мы не страдали за голодающих в Африке, теперь не страдаем за европейцев, которые спят под дождем на улице, и их бомбят.

— Кто, по-вашему, прав, а кто виноват?

— Лично мне Милошевич с его диктатурой отвратителен. Поведение же европейцев при этом неуклюжее и нелепое. На компьютерных играх и стрелялках выросло поколение, не знающее ужасов войны. К проблеме жизни и смерти они относятся даже с каким-то легким азартом. Гибель европейского народа, отвыкшего от бомбежек с 45-го года, молодежь интересует крайне мало.

СТАРЫЕ МЫСЛИ О ГЛАВНОМ

— Сатира — это обличение, желание изменить мир. Что, с вашей точки зрения, должен делать сегодня сатирик, лично вы?

— Сатирики, в общем, ничего не сделали в жизни и литературе. При этом они, как правило, разрушают сами себя. Вспомните трагическую судьбу Гоголя, Зощенко, Свифта. Желание активной переделки мира не только вызывает всплески остроумия, но и съедает человека. Наверное, какой-то Божий промысел в этом есть. Но если раньше, по молодости лет, я считал себя сатириком, то чем ближе к старости, тем большую симпатию вызывают у меня юмористы. Они помогают людям выжить. Поэтому дарящий надежду и добро Чаплин для меня в сто раз важнее, чем любой политический сатирик.

Можно потратить остаток дней, чтобы доказать людям, что они свиньи, Бога нет, и жизнь бессмысленна. А можно сказать: «Да ерунда, ребята, нормальная жизнь. Света нет — свеча есть, свечи нет — лучину зажжем». Не песни старые сейчас о главном надо петь, а хорошо бы снять фильм «Старые мысли о главном». Пока живой — слава Богу! Проснулся — радуйся солнцу. Банальности, которые никто не хочет признавать. Как доктор утверждаю: всякий человек смертен, но это же не повод кидаться с криком на пол.

50 РУБЛЕЙ ДО ЮБИЛЕЯ ПУШКИНА

— Вы хорошо себе представляете своего читателя и зрителя, на кого вы ориентируетесь в своем творчестве?

— Конечно, необходим определенный уровень подготовки. Юмор, вообще переключка людей, думающих примерно одинаково. Раньше был эзопов язык, сейчас юмор на уровне страны. Я могу открыть газету и прочитать: «До юбилея Пушкина осталось 50 рублей». И улыбнуться. Иностранцу это перевести невозможно.